

классическое наследие

Манн Юрий Владимирович,
доктор филологических наук, академик РАЕН,
профессор кафедры истории русской литературы
Российского государственного
гуманитарного университета, Москва
yumann@si.ru

«Петербург мне показался вовсе не таким, как я думал...»

Образ Петербурга (или, иначе, петербургский текст) – сложное явление, возникающее под влиянием разных факторов: тут и воздействие современного искусства, и художественные традиции, и личные впечатления и опыт. Последнее особенно явно проявилось в творческой биографии Гоголя.

***

Незадолго до отъезда Гоголя в Петербург его увидела Софья Скалон, дочь В.Капниста. «Прощаясь со мной, он удивил меня следующими словами: «Прощайте, Софья Васильевна! Вы, конечно, или ничего обо мне не услышите, или услышите что-нибудь весьма хорошее» (Исторический вестник, 1891. № 5. С. 369).

Мысль о Петербурге окрепла у Гоголя в последний год пребывания в Гимназии. Так, он делится с матерью: «Во сне и наяву мне грезится Петербург, с ним вместе и служба государственная». Об этом же сообщает и Петру Косяровскому: «...Может быть, мне целый век достанется отжить в Петербурге, по крайней мере, такую цель начертал я уже издавна». Каким-то образом в эти планы вписалась и мысль о заграничном путешествии. Тому же Косяровскому Гоголь сообщает следующие подробности относительно предстоящей поездки: «Я еду в Петербург непременно в начале зимы, а оттуда Бог знает, куда меня занесет, весьма может быть, что попаду в чужие края, что обо мне не будет ни слуху ни духу несколько лет...» (Гоголь Н.В. ПСС: в 14 т. – М., 1937-1952. – Т. X. – С. 132). Обратим внимание: путешествие должно быть долгим, очень долгим и протекать оно будет в полной неизвестности. Гоголь словно канет в небытие, чтобы затем внезапно возникнуть перед близкими и друзьями.

С этим вполне согласуется то, что говорил писатель позднее, в «Авторской исповеди»: «...Странное дело, даже в детстве, даже во время школьного ученья, даже в то время, когда я помышлял только об одной службе, а не о писательстве, мне всегда казалось, что в жизни моей мне предстоит какое-то большое самопожертвование и что, именно для службы моей отчизне, я должен буду воспитываться где-то вдали от нее. Я не знал, ни как это будет, ни почему это нужно; я даже не задумывался об этом. Но видел самого себя так живо в какой-то чужой земле тоскующим по своей отчизне, картина эта так часто меня преследовала, что чувствовал от нее грусть».

Известность – неизвестность – одна из главных осей размышления и всего мироощущения молодого Гоголя. Сомнения в этом приносили ему ни с чем не сравнимые муки. Гнет неизвестности оказывается непереносимым, создается духовный вакуум. Это страх мелкости, заурядности, ординарности; страх быть таким, как все, ничем не отличаться от других, жить и умереть тривиально, как живут или жили миллионы. Это

страх незамеченности и неотмеченности никем и ничем – ни окружающими людьми, ни временем, ни историей.

Преодолеть этот страх – значит быть уверенным, «что тебя заметят, оценят...». Выстраивается синонимический ряд: жить, быть замеченным, означить. В понятии «означить» соединены и достоинство, и его проявляемость; непроявленное достоинство для молодого Гоголя не существует: «...все мои силы будут порываться на то, чтобы означить ее [жизнь] одним благодеянием, одною пользою отечеству». Примут ли и осознают соотечественники предлагаемый дар – другой вопрос. Возможно, не примут и не осознают, но не смогут пройти мимо. Гоголь готов к непризнанности, но не к неизвестности. Неизвестность возможна лишь как временное состояние, жертвоприношение, ценою которого будет достигнута настоящая прочная известность. Что же касается признания. То оно придет вслед за известностью, со стороны если не современников. То потомков.

У альтернативы «известность – неизвестность» есть пространственные обозначения: для первого – это центр, Петербург, а для второго – периферия, глушь («в самую глушь ничтожности»). Отсюда почти физиологическое отталкивание Гоголя от провинции и страстное стремление в столицу. В провинции он чувствует себя заложником, случайным пришельцем из другого мира – из столицы, в которой он еще никогда не был.

Борьба с Неизвестностью ради самопроявления приобретает еще вид противостояния окружающим. «Ты знаешь всех наших существователей, – пишет он своему другу Высоцкому, – всех, населявших Нежин. Они задавили корою своей земности, ничтожного самодоволия высокое назначение человека. И между этими существователями я должен пресмыкаться...» (Гоголь Н.В. ПСС: в 14 т. – М., 1937-1952. – Т. X. – С. 98). «Существователь» не хочет или не может «означить» свою жизнь, у него нет желания или сил подняться над поверхностью и быть замеченным, а поэтому и гоголевское отношение к нему граничит с ужасом. Вместе с возникновением этого чувства возникла и мучительная проблема: позднее Гоголь будет напряженно работать над тем, как придать право на существование именно тому, что лишено содержания, так, чтобы при чтении «книги жизни» нельзя было «отбросить» ни одного персонажа... Сильна и тревога от простого соседства с «существователями», масса которых подобна «мрачной туче», способной заживо похоронить человека в Неизвестности.

Чтобы не поддаться, нужна огромная сила сопротивления. Гоголю было свойственно претворять тоску в деятельное состояние души, собираться внутренними силами, преодолевать уныние. Более того – у Гоголя появляются ноты смирения и всепрощения. Он уже старается укрощать свою заносчивость и преодолевать обиду. Он готов претворять не только уныние в деятельное состояние, но и неприязнь – в любовь и зло – в добро.

В июне 1828 года в Гимназии проводились испытания, которые делились на частные и публичные. Гоголь прошел испытания очень хорошо: по 19 предметам (из 24) у него высшая оценка – «4». Гоголь определенно вошел в группу лучших учеников. Тем не менее по окончании он не удостоился звания кандидата и права на XII классный чин, и ему было присвоено звание студента и дано право на последний чин XIV класса, то есть он снова попал в отстающую группу. Отчасти ему повредили прежние неуспехи, низкие годовые оценки. Кроме того, многое зависело от воли начальства, которое приняло решение не в пользу Гоголя.

С конца июня Гоголь «уже совершенно свободен», живет в Васильевке, готовясь к дальней дороге. В нем поражает сочетание редкой беспечности и размахистости с такой же замечательной предусмотрительностью и практицизмом. Еще загодя он выспрашивает у Высоцкого все «касательно жизни петербургской»: «Каковы там цены, в чем именно дороговизна?», «Каковы там квартиры?», «Что нужно платить в год за две или три хорошенькие комнаты, в какой части города дороже? Где дешевле, что стоит в год

протопление их?» и проч. и проч. Не забыт и вопрос о жалованье, получаемом Высоцким, чиновником Департамента разных податей и сборов, и о распорядке дня. Гоголю нужно свободное время; это говорит о том, что он готовится и к самостоятельным творческим занятиям.

Но Гоголю нужна и хорошая, модная одежда: он собирается выходить на люди, делать визиты. И. Кулжинский вспоминает: «Гоголь прежде своих товарищей, кажется, оделся в партикулярное платье. Как теперь, вижу его в светло-коричневом сюртуке, которого полы подбиты были какою-то красною материей в больших клетках. Такая подкладка считалась тогда *nes plus ultra* [пределом] молодого щегольства, и Гоголь, идучи по гимназии, беспрестанно обеими руками, как будто не нарочно раскидывал полы сюртука, чтобы показать подкладку» (Москвитянин, 1854. № 21. Отд. 6. С. 6).

Но этого показалось Гоголю мало. Тот же Высоцкий уполномочивается заказать фрак у самого лучшего портного и по самой последней петербургской моде: «Какой-то у вас модный цвет на фраки? Мне очень бы хотелось сделать себе синий с металлическими пуговицами, а черных фраков у меня много, и они мне так надоели, что смотреть на них не хочется» (Гоголь Н.В. ПСС: в 14 т. – М., 1937-1952. – Т. X. – С. 102-103). Кстати, сшитое по самой последней моде платье должно было облечь фигуру довольно неуклюжего, неловкого юноши.

Перед отъездом в Петербург Гоголь надеется получить рекомендательные письма от Д.П. Трощинского. Надо заметить, что отношение Гоголя к Трощинскому в это время становится прохладнее. Его по-прежнему волнует стремительный взлет карьеры «благодетеля Малороссии», но коробят такие черты его личности, как барство и высокомерие. В доме вельможи он чувствует себя стесненным. Тем не менее Трощинский мог помочь больше всех...

Дмитрий Прокофьевич заготовил два рекомендательных письма: одно Гоголь должен был взять с собою, другое загодя было послано в Петербург Логгину Ивановичу Кутузову, генерал-лейтенанту, крупному чиновнику, председателю Ученого комитета Морского министерства. Ответ на второе письмо успел прийти до отъезда Гоголя. Генерал благодарил Трощинского «за доставление случая сделать ему угодное и заключает письмо тем, что он с нетерпением ожидает Николая». Заверение Кутузова внушило самые светлые ожидания и подействовало на Гоголя соответствующим образом.

Перед отъездом в Петербург Гоголь предпринял попытку передать матери свою часть имения. Он беспокоился о судьбе матери и сестры, но, кроме того, он совершал этим решительный шаг в своей судьбе, сжигая за собой мосты и заставляя полагаться только на свои силы и будущие успехи.

***

Дорога в Петербург лежала через Москву, но Гоголь уговорил выбрать другой путь – через Белоруссию: он не хотел, чтобы впечатления от Москвы ослабили торжественность встречи с Петербургом.

К Петербургу подъехали вечером. Со слов Данилевского гоголевский биограф рассказывает: «Обоими молодыми людьми овладел невыразимый восторг, они позабыли о морозе и, как дети, то и дело высовывались из экипажа и приподнимались на цыпочки...» (Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя. – М., 1892-1897. – Т. 1. – С. 152). Гоголь простудился и отморозил нос.

Вспомним: Вакула в «Ночи перед Рождеством» тоже попадает в Петербург зимней морозной ночью. В переживаниях этого персонажа, помимо одушевления и «восторга», появляется новое чувство – удивление, ошеломленность от всего увиденного. Город кажется страшен; он теснит, угнетает, раздавливает. Подобное чувство усилилось и осозналось Гоголем позднее, но, может быть, промелькнуло и заронилось в первые минуты встречи со столицей.

Разочарование началось с денежных трудностей. Гоголь с Данилевским выбрали дом купца Галыбина на Гороховой улице, где сняли квартиру из двух комнат с правом

пользоваться хозяйской кухней. За все это должны были платить 80 рублей: по сорок – на брата. Вскоре обнаружилось, что продукты в столице гораздо дороже, чем на Украине. Гоголь взял с собой не менее тысячи рублей. Сумма для натурального безденежного хозяйства огромная. Но две трети из нее ушло на дорогу и приобретение самых необходимых вещей. Гоголь высчитывает до рубля. На фрак и панталоны – двести, на шляпу, сапоги и прочее – сотня, «на переделку шинели и на покупку к ней воротника до 80 рублей». Последняя цифра прочно запомнилась писателю: именно в эту сумму обойдется Акакию Акакиевичу шинель....

Приходилось возлагать надежды на скорейшее получение места.

Гоголь спешил в Петербург, так как рассчитывал определиться на службу до наступления Нового года. Ему казалось, что рекомендательные письма возымеют немедленное действие, что многообещающего юношу, о котором лестно отзывается сам экс-министр Трощинский, все примут с распростертыми объятиями. Увы, все вышло сложнее.

21 февраля умер Д. Трощинский. Семья Гоголей лишилась своего влиятельного покровителя. Логгин Иванович Кутузов, к которому было послано рекомендательное письмо, принял Гоголя хорошо, обласкал, «сразу перешел на ты и пригласил часто бывать у себя запросто, хотя этим почти все и ограничилось» (Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя. – М., 1892-1897. – Т. 1. – С. 178). Но Гоголю нужна была не ласка, а практическая помощь.

Не мог рассчитывать Гоголь и на помощь Высоцкого. Тот уехал на родину, в свое имение Недры 19 марта 1828 года, произошло это еще до приезда Гоголя... Разминувшись с Высоцким, Гоголь, естественно, не нашел пути и к его петербургским друзьям.

Все это усугубляло чувство разочарования и одиночества, окрасившее общее восприятие столичной жизни.

«Петербург мне показался вовсе не таким, как я думал...» (Гоголь Н.В. ПСС: в 14 т. – М., 1937-1952. - Т. X. – С. 136).

Теперь уже не «громозд», не хаотичность, не ошеломленность преобладают в этом впечатлении, а равнодушие и безликость. Отсутствует какая бы то ни было определенность – национальная, этнографическая, просто индивидуально-личная. «Тишина в нем необыкновенная...». Это в городе-то, где «мириады карет валяются с мостов» и где все превращается в «гром и блеск»... Но Гоголь видит «тишину» духовными очами как отсутствие истинно-характерных движений: «...никакой дух не блестит в народе, все служащие и должностные, все толкуют о своих департаментах да коллегиях, все подавлено, все погрязло в бездельных ничтожных трудах, в которых бесплодно издерживается жизнь их» (Гоголь Н.В. ПСС: в 14 т. – М., 1937-1952. - Т. X. – С.139).

Людям свойственна отрешенность от внешней жизни, следовательно, механистичность реакции и поведения. В этой сцене таится зерно парада марионеток, которым открывается «Невский проспект».

Но самое главное – первое, к чему он обратился, помимо поисков службы, была литература.

Литература

1. Гоголь Н.В. ПСС: в 14 т. Т. X. М., 1937-1952.
2. Исторический вестник, 1891. № 5.
3. Москвитянин, 1854. № 21. Отд. 6.
4. Шенрок В.И. Материалы для биографии Гоголя. Т. 1. М., 1892-1897.

Примечание:

Материалы данной статьи в расширенном виде содержатся в книге:
Ю. В. Манн. Гоголь. Труды и дни. 1809-1845. М.: Аспект-пресс, 2004.